

Язык и культура
сквозь призму многомерности бытия человека говорящего

Осознание многомерности бытия человека говорящего поставило в центр внимания современных интегративных исследований неслиянное единство «человек – язык – культура – лингвокультура – сознание – коммуникация – сообщество».

Человек говорящий в рамках разрабатываемого подхода определяется как личность, одним из видов деятельностей которой является деятельность речевая (последняя охватывает процессы как порождения и восприятия речи, так и осмысления действительности) [1].

Как известно, чтобы стать личностью, т. е. полноправным членом общества, человек должен пройти процесс социализации, основным содержанием которого является межпоколенная трансляция культуры. *Культура*, подлежащая распредмечиванию (т. е. освоению, усвоению, присвоению) и межпоколенной передаче от предков потомкам, понимается вслед за В.Н. Телия как «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [2]. Данное понимание культуры, во-первых, никоим образом не отрицает ее материальную составляющую, но лишь фокусирует внимание на ее идеальной стороне, а во-вторых, охватывает в том числе и умение оперировать предметами окружающего мира, использовать их в соответствии с собственными потребностями и т. д. *Культура* явлена человеку в предметах, практиках, символах, ритуалах и под., а также – и, возможно, в первую очередь – в знаках языка, которые при таком подходе выступают как тела знаков языка культуры [3]. На пересечении *культуры* и *языка* как самостоятельных семиотических систем образуется третья система – *лингвокультура*, предстающая как культура оязыковленная, явленная в языке и через язык, проявляющаяся, по словам В.Н. Телия, в языковых процессах. В отличие от языковой картины мира, предстающей как сложно устроенное семантическое пространство, т. е. как феномен собственно лингвисти-

ческий, *лингвокультура* является феноменом лингво-когнитивным: она формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но образами сознания, облеченными в языковые знаки. «Семантика» лингвокультуры – это культураносные смыслы, овнешненные в знаках языка. Исходя из этого, можно утверждать, что в лингвокультуре *язык* выступает в роли означающего, а функцию означаемого выполняют культураносные смыслы и *культура* как таковая.

Совершенно очевидно, что социализация может осуществляться только в *коммуникации*. Соответственно, коммуникация в данном случае рассматривается как основной канал трансляции культуры и как среда и способ становления личности. Однако с завершением процесса социализации значимость коммуникации не утрачивается, ибо именно в коммуникации человек живет и являет себя как личность (см. положение А.Н. Леонтьева о том, что деятельность человека – и, соответственно, сама личность – всегда включена в совместную деятельность, даже тогда, когда внешне человек остается один [4]).

Коммуникация всегда осуществляется на некотором *языке*, следовательно, *язык* является важнейшим (основным, хотя и не единственным) каналом и средством-способом социализации, в том числе (и в первую очередь) трансляции *культуры*. Помимо этого *язык* выполняет в коммуникации еще одну важнейшую функцию: через использование языка личность себя проявляет. (Замечу, что указанным, разумеется, не исчерпываются ни функции языка, ни способы проявления личности, но сейчас важно отметить именно это.)

Итак, становление личности как полноправного члена *сообщества* протекает в *коммуникации*, в которой являют себя *язык* и *культура*. *Сообщество* же само по себе немислимо без и вне *коммуникации*, посредством которой оно себя формирует, являет, воспроизводит, транслирует и трансформирует.

В процессе социализации формируется *сознание*, складывается тот образ мира, который, с одной стороны, отражает, с другой – определяет особенности мировосприятия и, следовательно, коммуникативного поведения конкретной личности. Образ мира понимается вслед за А.Н. Леонтьевым как универсальная форма организации знаний индивида, как интегративное отражение в сознании

окружающей действительности, важнейшими свойствами которого являются амодальность и многомерность, субъективность и объективность [5]. При таком подходе понятия «образ мира» и «сознание» являются максимально близкими, если не тождественными. Языковое же сознание рассматривается как сознание, опосредованное языковыми значениями (см. работы А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, Е.Ф. Тарасова и др.). Поскольку социализация всегда протекает в процессе *коммуникации*, осуществляемой на определенном *языке* в условиях определенного *сообщества* и определенной *культуры*, *сознание* всегда культурно маркировано, культурно обусловлено и культурозависимо. Это положение справедливо и в том случае, когда имеет место ситуация двуязычия и «двукультурия» в рамках некоторого сообщества: в социализации все равно происходит трансляция *культур*, каналом которой являются конкретные *языки*, используемые в *коммуникации* представителями данного *сообщества*.

Таким образом, *человек говорящий формируется как личность, как носитель сознания, как полноправный член некоторого сообщества* (некоторых сообществ) *именно в коммуникации, впитывая в себя культуру и лингвокультуру данного сообщества с помощью* (в том числе) *языка данного сообщества*. Следовательно, можно утверждать, что человек говорящий есть *объект* (творение) языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации [7].

Поскольку жизнедеятельность человека, в которой обязательно проявляются сознание, язык, культура и лингвокультура, протекает в рамках некоторого сообщества в условиях именно коммуникации и именно в коммуникации и через коммуникацию осуществляется, *человек говорящий, будучи носителем сознания и находящийся в непрерывном процессе коммуникации в рамках некоторого сообщества, «сплетающий внутри себя»* (воспользуемся словами В. фон Гумбольдта) *язык, культуру и лингвокультуру и «вплетающий себя» в язык, культуру и лингвокультуру*, оказывается не только объектом, но и *субъектом* (творцом) языка, культуры, лингвокультуры, коммуникации.

Итак, человек говорящий предстает как полностью сформировавшаяся личность, прошедшая процесс социализации, как полноправный член сообще-

ства. Чтобы себя сохранять, *сообщество* должно себя постоянно воспроизводить. А для этого внутри сообщества должно сохраняться, воспроизводиться, транслироваться то, что называется «памятью культуры» или «культурной памятью» в одной парадигме (в понимании Ю.М. Лотмана и вслед за ним Я. Ассмана [8]), «культурным пространством» и «когнитивной базой» в другой парадигме (см. работы Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко и автора данной работы). Разумеется, данные понятия различны (подчас принципиально – *sic!*), но в рамках настоящего разговора мы не станем останавливаться на их дифференциации и соотношении, поскольку речь сейчас идет о цельности и сохранности сообщества как единого культурно-языкового образования.

Культурная память, культурное пространство, культура как таковая могут рассматриваться как «ненаследственная память коллектива, выражающаяся в определенной системе запретов и предписаний» [9], как «надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» и пониматься как пространство некоторой общей памяти, т. е. такое пространство, в пределах которого могут сохраняться, актуализироваться и в определенном смысле воспроизводиться общие тексты, общие феномены, общие смыслы [10]. Последние и образуют культуру в представленном ранее понимании – как мировидение, мироощущение и миропонимание некоторого сообщества (применительно к России – национально-лингво-культурного). Таким образом, культура предстает как обладающая семиотической природой совокупность представлений (в самом широком смысле), в которых так или иначе отражается и закрепляется то, как представители данного сообщества видят, ощущают, оценивают, осознают, понимают, интерпретируют, объясняют (в первую очередь для себя) окружающий их мир. Эта совокупность пронизывает все наше бытие, но зачастую остается неосознаваемой. Человек замечает ее, когда сталкивается с иным / другим / чужим / чуждым. В любом случае она может быть отрефлексирована при необходимости и/или желании. Эта совокупность обладает способностью, с одной стороны, трансформироваться и изменяться, с другой – воспроизводиться и сохраняться. В этой способности – *залог жизнен-*

ности как самой культуры, так и того сообщества, которое данная культура «держит» (если угодно, «цементирует») и «лицо» которого она предопределяет.

Данная совокупность, как уже говорилось, поддается и подлежит трансляции, в первую очередь посредством языка, особенно если есть установка на сохранение сообщества. При этом трансляция может носить как диахронный характер, т. е. передаваться не только непосредственно межпоколенно – от одного поколения другому, так и по цепочке поколений, когда общение дистанцировано во времени даже с позиций исторической перспективы («вертикальная» трансляция [11]), но и синхронный, т. е. между современниками, живущими и общающимися «здесь и сейчас» с точки зрения исторической перспективы («горизонтальная» трансляция; особенно актуальна при вхождении человека в другую / иную / чужую для него культуру).

Методы, методики, конкретные пути, способы и приемы трансляции своей культуры и приобщения к не-своей культуре могут быть различны, но суть процесса от этого не меняется: имеет место трансляция системы ценностей, оценок, ценностных установок, представлений, ожиданий, предпочтений и под., системы предписаний и запретов, которые реализуются в базовой оппозиции «достойно / недостойно» и могут быть развернуты в ряд более конкретных оппозиций «допустимо / недопустимо», «возможно / невозможно», «желательно / нежелательно», «обязательно / необязательно».

Поскольку при социализации, как уже говорилось, основным каналом является *язык*, а в случае приобщения к не-своей культуре имеет место (и, как правило, лежит в основе) изучение не-родного языка, то трансляции подлежат и *лингвокультура*, в которой *язык*, как мы говорили, выступает в роли означающего для *культуры*. Из этого прямо вытекает, что обучение русскому языку необходимо требует его преподавания как языка русской культуры (о чем в свое время говорил А.А. Леонтьев). В связи с последним утверждением особо подчеркну, что это *никоим образом не снижает важности и необходимости обучения традиционным (в лучшем смысле этого слова) аспектам*: фонетике, лексике, грамматике и т. д. Напротив. Во-первых, не владея системой

языка (особенно такого, как русский), нечего и думать о приобщении к лингвокультуре и культуре, которые проявляются, в частности, в коммуникативных практиках, паттернах коммуникативного (в частности – речевого) поведения и под. Во-вторых, *культура воплощена в языке* как таковом, явлена нам в его системе, в различных единицах разных языковых подсистем, а *лингвокультура* не есть абстракция, витающая в «безъязыковом» пространстве: она «дана» в виде *языковой ткани*, из которой сотканы разнообразные тексты. Соответственно, в третьих, изучая разные подсистемы языка, различные его аспекты и проч., мы так или иначе подходим к изучению (и в процессе обучения, и в процессе исследования) собственно лингвокультуры и культуры, что блестяще доказывают представители ряда научных школ: школы В.Н. Телия, школы М.В. Всеволодовой и некоторых других.

Таким образом, *язык и культура* тесно сплетены в самом человеке говорящем, они лежат в основе третьей семиотической системы – лингвокультуры, они оказываются неотъемлемой частью многомерного бытия человека, которое может быть представлено в виде многогранной фигуры «человек – язык – культура – лингвокультура – сознание – коммуникация – сообщество».

Примечания:

[1] При таком подходе ребенок / подросток рассматривается как формирующаяся личность, как человек говорящий на одном из этапов своего становления. А в качестве сообщества не рассматривается толпа, ибо представителями сообщества являются самостоятельные личности, а не «человек-масса» (по С. Московичи: *Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс.* М., 1998; *Он же. Машина, творящая богов.* М., 1998).

[2] *Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.* М., 1996. С. 222.

[3] Указ. соч.

[4] *Леонтьев А.Н. Человек и культура.* М.: 1961. С. 14.

[5] Подробнее см.: *Леонтьев А.Н.* Образ мира // Избранные психологические произведения. М., 1983. С. 251-261; *Он же.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

[7] При этом социализованная личность не есть раз и навсегда застывшая данность: человек-личность постоянно претерпевает определенные изменения в процессе бесконечного накопления прижизненного опыта и под влиянием множества факторов: от событий сугубо личной жизни до изменений общего историко-социо-культурного контекста.

[8] *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200-202; *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

[9] *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам V. Уч. зап. ТГУ. Вып. 284. Тарту, 1971. С. 147; *Они же.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века). URL: <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html> или http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ysp/15.php

[10] *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200-202. Эти идеи Ю.М. Лотмана, на мой взгляд, определенным образом соотносятся с понятием образа мира, о котором мы говорили.

[11] Здесь прослеживается явная аналогия с культурной памятью, о которой пишет Я. Ассман, например, в: *Ассман Я.* Указ. соч.